

Чэн Чэнь задумчиво посмотрел на Шань Ли:

— Вот как... А-Цзэ, ты не собираешься меня с ним познакомить? Если присмотреться, твой друг даже чем-то похож на меня.

Шань Ли взглянул на Чэн Чэня, и в душе его невольно шевельнулась тревога.

— Меня зовут Шань Ли. Здравствуйте.

— Чэн Чэнь.

Чэн Чэнь, не обращая больше внимания на парня, перевел взгляд на дворецкого:

— А-Цзэ, дворецкий служит в этом доме уже пять лет. Даже если нет особых заслуг, то хотя бы работал не покладая рук. К тому же, Сяо Ли ведь не пострадал по-настоящему, правда? Да и я вижу, что Сяо Ли — человек добрый, он вряд ли захочет, чтобы ты сурово наказывал дворецкого. Так что, А-Цзэ, пощади его.

Чэн Чэнь вел себя так, словно был хозяином дома, и это вызывало у Шань Ли отвращение. А то, как Чу Тяньцзэ выделял его, лишь усиливало неприязнь Шань Ли к незваному гостю.

Увидев, что выражение лица Чу Тяньцзэ смягчилось, Шань Ли скривил губы:

— Господин Чэн Чэнь, вы с таким не сталкивались, поэтому вам легко прощать, это естественно. Но я другой. Я хочу знать, кто действительно хотел мне навредить, и надеюсь, господин Чэн Чэнь не станет вмешиваться.

Лицо Чэн Чэня мгновенно помрачнело. Он искоса взглянул на Чу Тяньцзэ, и его глаза вдруг потускнели:

— А-Цзэ, я лишь хотел поскорее уладить это дело и устроить тебе запоздалый день рождения. Неужели я сделал что-то не так? Или в этом доме уже не осталось места для меня...

— Раз так, я просто уйду.

Чу Тяньцзэ всегда считал Чэн Чэня своей путеводной звездой, своей единственной любовью, и не мог вынести его печали. Увидев, что тот собирается уйти, он встревожился и заключил его в объятия:

— А-Чэнь, как ты можешь так думать? Хозяин в этом доме, кроме меня, только ты. То, что произошло, — сущая мелочь.

— К тому же, ты прав. Раз уж так сложилось, уволим дворецкого, пусть убирается отсюда.

Только тогда на лице Чэн Чэня появилась довольная улыбка.

...

В тот момент, когда Чу Тяньцзэ обнял Чэн Чэня, Шань Ли словно поразило молнией. Он стоял на месте, побледнев от ужаса.

Какие отношения связывают Тяньцзэ и Чэн Чэня?

Почему взгляд Тяньцзэ, обращенный к Чэн Чэню, был таким особенным?

Какова же на самом деле его роль в этой вилле?

Бесчисленные вопросы обрушились на него, в глазах потемнело. Он прижал руку ко лбу, и лишь спустя долгое время головокружение немного отступило. К этому моменту они уже отстранились друг от друга, и в глазах Чэн Чэня, направленных на него, читалось неприкрытое торжество. Шань Ли почувствовал, будто чья-то рука сдавила его горло, мешая дышать.

— Я... я хочу вернуться в комнату.

Чу Тяньцзэ даже не заметил состояния Шань Ли. Он рассеянно махнул рукой, но, вдруг что-то вспомнив, окликнул его:

— Постой. А-Чэнь поживет здесь некоторое время, поэтому переезжай-ка ты в комнату на третьем этаже.

У Шань Ли перехватило дыхание. Он вытаращил глаза, глядя на Чу Тяньцзэ, и лишь спустя долгое время с трудом выдавил:

— Почему... я должен переезжать?

Разве та комната не принадлежала ему?

Чу Тяньцзэ нахмурился, его голос стал жестче:

— Это комната всегда принадлежала А-Чэню. И кстати, отныне живи на третьем этаже, обратно можешь не переезжать.

Сказав это, Чу Тяньцзэ обнял Чэн Чэня за плечи и направился к обеденному столу. Их близость была настолько очевидной, что даже незнакомец сразу бы понял, что между ними происходит. Шань Ли не был слеп, как он мог не заметить правды? Вспомнив лицо Чэн Чэня, так похожее на его собственное, он почувствовал, как сердце сжалось от острой боли. Он прижал руку к груди, слегка согнувшись, и лишь когда боль немного утихла, приоткрыл бледные губы:

— Тяньцзэ, он правда лишь твой хороший друг?

Чу Тяньцзэ, встретившись с этим пристальным взглядом темных, как уголь, глаз, вдруг почувствовал неловкость. Он не решился смотреть Шань Ли в лицо, отвел взгляд и раздраженно бросил:

— Чэн Чэнь не только мой лучший друг, он мой единственный близкий человек.

Неужели всё так просто? Шань Ли хотелось рассмеяться. Он вспомнил, как раньше, когда они спали в одной постели, Чу Тяньцзэ по ночам нежно обнимал его, ласково гладил по лицу, и в его глазах светилась любовь. Казалось бы, самые сладкие моменты тихой ночи, но на душе у Шань Ли всегда было тяжело и тревожно. Ему всё время казалось, что, глядя на него, Чу Тяньцзэ вспоминает кого-то другого. Тогда он думал, что сам себя накручивает, но теперь, в этот горький миг, всё встало на свои места.

Оказывается, с самого начала он был лишь заменой другому. «Любовь» Чу Тяньцзэ никогда не предназначалась ему.

Глаза Шань Ли застлали слезы. Он опустил голову, позволяя прядям волос скрыть взгляд. Чтобы никто не заметил его состояния, чтобы сохранить последние крохи достоинства, он решил притвориться, что ничего не понял.

— Я понял.

Чэн Чэнь, глядя на удаляющегося Шань Ли, насмешливо прищурился. Замена всегда остается заменой, ей не место на главной сцене. В душе он презрительно хмыкнул и растянул губы в улыбке:

— Слышал, у А-Ли потрясающий талант к кулинарии. Мне бы очень хотелось попробовать его стряпню. А-Зэ, как насчет того, чтобы сегодня вечером А-Ли приготовил праздничный ужин?

Чу Тяньцзэ привык к еде Шань Ли, поэтому, не раздумывая, кивнул:

— Хорошо. Шань Ли, приготовь ужин, а слуги пусть приберут в комнатах.

Шань Ли внезапно поднял голову. В глазах снова потемнело. Он потерял слишком много крови, и одной ночи отдыха было недостаточно, чтобы восстановиться. Он надеялся, что если Чу Тяньцзэ хоть немного дорожит им, то проявит сочувствие и даст отдохнуть, но реальность вновь принесла разочарование.

Он пристально посмотрел на Чу Тяньцзэ:

— Я не слуга для тебя и Чэн Чэня. Этот ужин я готовить не буду.

С этими словами Шань Ли ушел наверх, даже не оглянувшись. Чу Тяньцзэ же в одно мгновение превратился в разъяренного льва. Его красивое лицо помрачнело, он поднялся следом, схватил Шань Ли за руку и потащил вниз. Он схватил его именно за то место, где была рана, и от адской боли Шань Ли едва не лишился чувств. Лицо его стало мертвенно-бледным, тело обмякло, он едва держался на ногах. Однако даже этого Чу Тяньцзэ не заметил.

Он холодно смотрел на понурого Шань Ли:

— Я позволил тебе жить на вилле не для того, чтобы ты капризничал.

— Не зли меня снова, иначе ты знаешь, что будет!

Шань Ли опустил голову, в душе его поселилось отчаяние. Глаза были пустыми и безжизненными. Спустя долгое время он, опираясь на стены, побрел на кухню. Голова кружилась, всё валилось из рук, даже привычное кулинарное искусство казалось чем-то чуждым и непосильным. Он не знал, сколько раз обжегся раскаленным маслом, но словно превратился в дерево, не чувствуя боли. Потому что всё его сознание было заполнено нежными разговорами Чу Тяньцзэ и Чэн Чэня. Когда болит сердце, тело перестает чувствовать внешние раны.

Ужин готовился бесконечно долго. Когда Шань Ли закончил последнее блюдо, он чувствовал себя выжатым досуха и едва мог стоять, опираясь на шкаф. Он не хотел оставаться здесь и смотреть на их «идиллию», но Чэн Чэнь не собирался его отпускать.

— А-Ли, ты так устал, присаживайся, поешь с нами. В честь дня рождения А-Зэ и моего возвращения, хорошо?

Чу Тяньцзэ холодно приказал:

— Садись. А-Чэнь приглашает тебя поесть, это честь для тебя!

Но ему не нужна была такая честь. У него невыносимо болела рука, он был так измотан, он просто хотел отдохнуть — неужели это так сложно? Шань Ли чувствовал отчаяние. Ему хотелось взорваться от гнева, но он знал, что сопротивление приведет лишь к еще большей боли, к огромным долгам и даже тюрьме. Поэтому ему оставалось лишь терпеть.

Шань Ли подошел к столу и сел на самое дальнее место.

Чэн Чэнь усмехнулся:

— Кстати, мне любопытно, А-Зэ, как вы познакомились? А-Ли так похож на меня, кто не знает, решил бы, что мы близнецы.

Чу Тяньцзэ посмотрел на Шань Ли, который молча ел, опустив голову. Вспомнив ту дождливую ночь, когда тот смотрел на него с такой надеждой, он невольно смягчился:

— Я встретил его в дождливый день. Он выглядел таким жалким, словно брошенный зверек, к тому же был похож на тебя, вот я и привел его домой, чтобы приютить.

— Значит, А-Зэ, он считается твоим другом, верно?

Чу Тяньцзэ вспомнил своих друзей-бизнесменов, воротил делового мира, а затем профессию Шань Ли и насмешливо хмыкнул:

— Какой он мне друг? Так, оставил рядом, чтобы было не скучно.

Шань Ли вздрогнул и так сильно прикусил губу, что выступила кровь. Глядя на злорадную ухмылку Чэн Чэня, он почувствовал, как внутри стало холоднее, чем снаружи.

— Я закончил.

Шань Ли, сжавшись в комок, побрел в свою комнату. Как только он вошел, силы окончательно покинули его, и он упал без сознания.

...

После всего пережитого Шань Ли снова слег. Он и так был обескровлен, а после того, как Чу Тяньцзэ рванул его за больную руку, рана снова открылась. Отсутствие отдыха и чрезмерная нагрузка привели к тому, что температура подскочила почти до сорока градусов.

Он очнулся лишь на закате следующего дня. Личный врач еще не ушел. Увидев, что парень пришел в себя, он вздохнул:

— Впредь береги себя. В этом мире, кроме родителей, никто не позаботится о тебе лучше, чем ты сам.

Глаза Шань Ли покраснели, он тихо кивнул.

Как только врач ушел, вошел Чу Тяньцзэ. Увидев его, Шань Ли вздрогнул, лицо его побелело от страха — он боялся, что Чэн Чэнь снова придумал что-то, чтобы Чу Тяньцзэ его наказал. Заметив этот испуг, Чу Тяньцзэ почувствовал укол вины и жалости. Он хотел, как раньше, коснуться лица Шань Ли, но тот в ужасе отпрянул.

Лицо Чу Тяньцзэ помрачнело.

— То, что произошло вчера, я признаю, было необдуманно с моей стороны. Но это не повод строить мне кислую мину. Ты должен помнить свое место! — холодно отрезал он.

Шань Ли, прислонившись к изголовью кровати, выглядел как безжизненная кукла. Сжавшись, он прошептал:

— Я знаю свое место, можешь не напоминать. Но я живой человек... я не хочу быть заменой.

Он, словно цепляясь за соломинку, схватил Чу Тяньцзэ за воротник:

— Раз уж Чэн Чэнь вернулся,пусти меня, пожалуйста?пусти...

Чу Тяньцзэ, глядя на это жалкое, унижительное мольбу, вдруг ощутил приступ страха.

— Отпустить тебя? Что ж, хорошо.

Чу Тяньцзэ слегка улыбнулся, но взгляд его был таким жутким, словно он собирался проглотить Шань Ли живьем. Он дал ему надежду, чтобы тут же растоптать её.

— Как только вернешь мне неустойку, я тебя отпущу.

Шань Ли в отчаянии вытаращил глаза. Неустойка была огромной суммой, которую он никогда не сможет выплатить. Чу Тяньцзэ явно загонял его в угол.

— Ты подлец!

Взгляд Чу Тяньцзэ стал ледяным. Он грубо схватил Шань Ли за подбородок:

— Подлец? Я могу быть еще хуже. Например, прямо сейчас.

Он прижал Шань Ли к кровати, не обращая внимания на его жар и болезнь, и сорвал с него пижаму. Шань Ли никогда не чувствовал такого унижения. Он пытался вырваться, но Чу Тяньцзэ одной рукой прижал его руки над головой, лишая возможности пошевелиться. А затем пришла невыносимая боль, пронзившая каждую клеточку его тела.

— Я, конечно, не отпущу тебя так просто. Даже если Чэн Чэнь вернулся, ты все равно останешься рядом со мной как его замена.

Огонек в глазах Шань Ли погас навсегда.

Когда всё закончилось, уже была полночь. Тело ныло от боли и слабости, но разум, словно натянутая струна, заставлял его смотреть в потолок, издавая слабые вздохи. Чу Тяньцзэ, удовлетворив свои желания, крепко спал рядом, не заботясь о состоянии Шань Ли, продолжая грубо прижимать его к себе.

Вдруг раздался стук в дверь. За дверью был не кто иной, как Чэн Чэнь.

— А-Зэ, ты спишь? На улице так темно, можно я посплю с тобой?

Стук разбудил Чу Тяньцзэ. Шань Ли безжизненно смотрел на него. У Чу Тяньцзэ всегда был чуткий сон, и раньше, стоило Шань Ли издать хоть звук, как он тут же с яростью набрасывался на него. Но сейчас реакция на Чэн Чэня была совершенно иной. Лицо Чу Тяньцзэ смягчилось, в нем не было ни капли раздражения. Он встал с постели, открыл дверь и ушел.

Место рядом с Шань Ли быстро остыло. Он смотрел в ночную тьму и вдруг почувствовал, как ему стало до жути холодно. Оставалось лишь свернуться калачиком под одеялом, единственным, что могло его согреть, и дрожать. Из глаз бесконтрольно текли слезы, намочив половину подушки.

...

На следующее утро Шань Ли разбудили слуги: Чу Тяньцзэ требовал завтрак. Аппетит Чу Тяньцзэ был избалован готовкой Шань Ли, и он не мог есть еду, приготовленную другими. Шань Ли пришлось, преодолевая усталость, встать и умыться. Глядя в зеркало на свое распухшее лицо, он вдруг с трудом вспомнил, каким был раньше. Разве мог он, прежний, быть таким слабым и жалким, как слуга?

Шань Ли скривил губы в подобии улыбки, тряхнул головой, отгоняя мысли, и спустился вниз. Чу Тяньцзэ и Чэн Чэнь уже сидели за столом. Взгляд Чу Тяньцзэ был нежным, Чэн Чэнь улыбался, прижавшись к нему. Они выглядели такими близкими. Даже если сердце Шань Ли уже остыло к Чу Тяньцзэ, при виде этой сцены он невольно содрогнулся.

Как же жесток Чу Тяньцзэ: бережет Чэн Чэня как драгоценную жемчужину, а его, замену, выбрасывает как старую ветошь.

Шань Ли побледнел, заставил себя не смотреть на них и с каменным лицом направился на кухню готовить завтрак. Чэн Чэнь, увидев это, усмехнулся:

— Этот младший братишка, так похожий на меня, и правда отлично готовит. Я бы сам не прочь завести такого «питомца».

Чу Тяньцзэ вспомнил вчерашние слова Шань Ли, и взгляд его похолодел. Он пронзил Шань Ли острым, как нож, взглядом:

— Кроме готовки, у него нет никаких достоинств.

Рука Шань Ли дрогнула, он порезал палец. Опустив глаза, он смотрел, как выступает кровь, и тихо стер её. Чу Тяньцзэ, видя, что Шань Ли никак не реагирует, почувствовал необъяснимый гнев:

— У тебя руки отсохли? Почему так медленно? Хочешь уморить меня голодом?

Шань Ли пришлось, преодолевая боль в руке, ускорить работу. Он поставил завтрак перед Чу Тяньцзэ, а затем направился к Чэн Чэню. Тот специально встал, чтобы забрать тарелку, и, заметив бинт на руке Шань Ли, злорадно улыбнулся и намеренно опрокинул горячую кашу.

Кипяток вылился прямо на рану. Несмотря на бинт, Шань Ли вздрогнул от боли и рефлекторно толкнул Чэн Чэня. Сила была небольшой, но Чэн Чэнь упал на пол.

Раздался вскрик. Чу Тяньцзэ, увидев, что Чэн Чэнь упал, тут же бросился его поднимать:

— А-Чэнь, ты в порядке?

Чэн Чэнь покачал головой и виновато посмотрел на Шань Ли:

— Сяо Ли, миска была такой горячей, я случайно её опрокинул. Прости, ты ведь не будешь на меня сердиться, правда?

Только тогда Чу Тяньцзэ заметил, что Шань Ли обжегся. Большая часть кожи на руке покраснела, а на ране была липкая каша. Даже на здоровой коже такой ожог был невыносим, что уж говорить о ране, но Шань Ли стоял молча, бледный как полотно. Чу Тяньцзэ инстинктивно протянул руку, но Шань Ли отшатнулся.

— Сердиться? Тебе не кажется, что ты ведешь себя слишком лицемерно? — Шань Ли нашел это смешным.

Никто бы не стерпел, если бы на него намеренно вылили кашу. Если бы мог, Шань Ли вылил бы всю кастрюлю на голову Чэн Чэня. Но он не мог. Стоило ему это сделать, как Чу Тяньцзэ не оставил бы его в покое, и страдать пришлось бы только ему.

Чэн Чэнь виновато опустил глаза:

— Прости, Сяо Ли. Если ты так злишься, можешь тоже вылить на меня миску каши.

Шань Ли, не раздумывая, принес целую кастрюлю. От этого жеста Чэн Чэнь невольно вздрогнул. В этот момент прогремел голос Чу Тяньцзэ:

— Хватит!

Он смотрел на Шань Ли так, словно тот был чем-то ничтожным и назойливым:

— Как же ты мелочен! А-Чэнь уже извинился, чего ты еще хочешь?

Шань Ли с недоверием посмотрел на него:

— Значит, я должен был просто позволить себя обжечь?

— А чего ты еще хотел?

Шань Ли нечего было ответить. Опустив голову, он ушел в свою комнату. Как только дверь закрылась, появилась Цзюйхуа Лин:

— Хозяин системы, в конце вы немного вышли из образа. Оригинал никогда бы не решился вылить кастрюлю каши.

Шань Ли сидел на кровати, обрабатывая рану, и, услышав слова Цзюйхуа Лин, хмыкнул:

— Прости, просто впервые вижу настолько тупую картину, чуть не сорвался.

Чу Тяньцзэ — псих. Чэн Чэнь — идиот.

«Вдруг подумалось, что они идеально подходят друг другу», — подумал он.

Цзюйхуа Лин сознательно проигнорировала нарушение характера:

— Хозяин системы, мне кажется, Чэн Чэнь не остановится.

— Ну да, уродливые люди вечно творят гадости.

Мазь, которую дала Цзюйхуа Лин, оказалась хорошей. Хотя рана не затянулась мгновенно, боль утихла, и Шань Ли быстро перебинтовал её.

Тук-тук-тук. Снова стук в дверь. Цзюйхуа Лин проверила обстановку и беспомощно произнесла:

— Дзынь! Ваш «уродливый человек» снова пришел творить гадости.

Шань Ли замер, но делать было нечего — пришлось продолжать играть свою роль.

...

Шань Ли открыл дверь. Там стоял Чэн Чэнь с мазью в руках. Увидев его, он одарил его доброй улыбкой:

— Шань Ли, может, поговорим?

Возможно, потому что Чу Тяньцзэ ушел из дома, здесь теперь безраздельно властвовал Чэн Чэнь, и он даже не пытался скрыть свои намерения. Шань Ли не питал ни капли симпатии к человеку, который всеми силами пытался его уничтожить, и хотел просто закрыть дверь.

Чэн Чэнь, видя это, неторопливо произнес:

— Разве тебе не интересно узнать, как мы с А-Зэ познакомились?

Шань Ли крепче сжал дверную ручку.

<http://bllate.org/book/21501/2203382>